

УДК 159.9

Аллахвердов В.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Как сознание выбирает одно значение из многих возможных?¹

How does consciousness choose one meaning from many?

Аннотация

Любой знак (стимул, текст) всегда имеет множество значений. Сознание из этого множества всегда выбирает одно. То содержание, которое в данный момент находится в сознании, всегда осознается как единственное. Сознание стремится придавать знаку то значение, которое однажды ему уже приписало, до тех пор, пока это не войдет в противоречие с другим содержанием сознания. Позитивный выбор – это то значение, которое осознается человеком. Но человек не может думать об одном и том же постоянно, а потому позитивный выбор постоянно трансформируется. Негативный же выбор – это то, о чем человеку думать не надо, поэтому негативный выбор устойчив. Именно негативный выбор определяет то, что обычно называется контекстом, однако без специальных усилий этот контекст обычно не осознается.

Ключевые слова: сознание, знак, значение, граница класса, контекст, позитивный и негативный выбор

Abstract

Every sign (stimulus, text) has many meanings. Consciousness only chooses one of them. And this meaning that is in the consciousness is always realized as the only possible one. Consciousness tends to assign the same meaning that it has already assigned once, to a sign until that meaning starts contradicting with other contents of consciousness. Positive choice is the meaning that a person is aware of. But one can't think about the same thing constantly, thus a positive choice is always transforming. Negative choice is what one shouldn't think about, so negative choice is stable. It is the negative choice that defines what we usually call context but without additional efforts one cannot realize that context.

Keywords: consciousness, sign, meaning, class borders, context, positive and negative choice

Исходные предпосылки

Будем исходить из позиции радикального когнитивизма: все психические явления (включая сознание) должны объясняться логикой познания. Введем, как это положено при построении любой теории, идеализацию. Будем рассматривать человека как идеальное познающее

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ № 0.38.518.2013

существо, не имеющее никаких ограничений на возможности познания. Его мозг (как и весь организм) тоже будем рассматривать как идеальный, как не имеющий никаких ограничений на объём принимаемой информации, на скорость ее переработки, на время хранения и т.д. Но зачем тогда в логике познания нужно сознание? Исследования убедительно подтверждают, что неосознанно человек намного быстрее и точнее, чем осознанно, принимает, хранит в памяти и перерабатывает информацию, способен проводить обработку сигналов, предъявленных с такой скоростью, что он даже не подозревает, что ему вообще было что-либо предъявлено и т.д. Даже то, что раньше считалось исключительной прерогативой сознания (принятие сложных решений, семантические преобразования, постановка целей, социальные оценки, моральные суждения и многое другое), – всё это, по видимому, вначале делается неосознанно и лишь потом иногда осознается (см., например, Moreland, Zajonc, 1982; Kihlstrom, 1990; Lewicki, Hill, Czyzewska, 1992; Аллахвердов, 1993, Murphy, Zajonc, 1993; Winkielman, Berridge, Wilbarger, 2005; Аллахвердов и др., 2006; Hebart, Schriever, Donner, Haynes, 2014 и др.). Что же делает сознание?

Сформулирую проблему логики познания, для разрешения которой, на мой взгляд, необходимо сознание. Вначале сделаем банальное утверждение: для того, чтобы познавать, вначале надо уметь познавать. Способ познания, тем самым, предшествует процессу познания. Но тогда результат познания зависит не только от того, что познается, но и от способа познания. Как элиминировать влияние способа познания на результат познания? Все усложняется тем, что в процессе познания приобретаются как правильные, так и ошибочные знания. Правильное знание надо сохранять, а ошибочное – исправлять. Если бы заранее было известно, что должно получиться в итоге познавательной деятельности, то тогда было бы ясно, что надо сохранять, а что и как – изменять. Но в таком случае процесс познания не нужен. Как же дать оценку правильности полученных результатов познания по ходу

познания? Нельзя, например, результаты познания, данные сознанию, непосредственно сопоставить с реальностью. Ведь сознание содержит только представления о реальности, а не саму реальность, и нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет.

Изложу подход к решению: пусть в основе познавательной деятельности человека лежат разные независимые друг от друга (параллельные) схемы познания, они получают разную информацию, перерабатывают ее разными алгоритмами, используют разные механизмы обратной связи. Эти схемы, заметим, работают совершенно автоматически, а потому нет никаких оснований отождествлять их работу с сознанием. Введение независимых схем познания позволяет надеяться, что если полученные в них результаты согласуются друг с другом, то эти результаты зависят не от способа познания, а от самой реальности. Правда, необходимо еще сопоставлять между собой результаты, полученные столь разными способами.

Это сопоставление происходит на другом уровне познания, его можно связать с психикой. Изначально заданных правил перевода с языка одного способа познания на другой не может существовать (иначе нельзя говорить о независимости этих способов друг от друга). Поэтому психика создает разные варианты сопоставления (назовем их психическими конструктами). А на уровне сознания выбирается тот вариант, который не противоречит уже имеющимся представлениям в сознании или который можно так изменить, чтобы он перестал противоречить. Вот пример, поясняющий такую работу сознания (Хок, 2003): жители отдаленного от цивилизации горного плато в Малайзии не видели взлетающих над ними самолетов с расположенного рядом аэродрома и даже не слышали мощного шума их моторов, потому что это не вписывалось в их представление о мире.

Заметим, что в сознание попадают и осознаются только уже в какой-то мере готовые результаты познания, т.е. подготовленные на предыдущем

уровне психические конструкторы. Это допущение более-менее естественно – ведь у самого сознания нет непосредственных инструментов познания: органы чувств дарованы телу, человек не умеет осознанно что-то впечатывать в свою память, да и перерабатывает всю информацию мозг, а не сознание. Основная функция сознания – избавление от противоречий. Но чтобы в результате исправления противоречий не возникали какие-то новые противоречия, сознание должно работать с противоречиями всегда последовательно, по одному. Поэтому же и поступление психических конструкторов в сознание может происходить только последовательно, конечными порциями в выбранную сознанием единицу времени. То содержание, которое в данный момент находится в сознании, всегда осознается как единственное. От него можно отказаться, только если есть другое конкурирующее представление, которое сознание примет, – и тогда уже это новое представление начнет восприниматься как единственное. Поэтому, например, при восприятии двойственных изображений или многозначных текстов, как показывают исследования, воспринимаются все значения, но в каждый момент времени осознается только одно. Сознание всегда стремится подтверждать уже имеющееся знание и отвергать то, что ранее в этой же ситуации было отвергнуто. А психологическая литература пестрит афоризмами: «мы видим только то, что понимаем», «мир в нашем сознании искажается до узнаваемости» и т.д.

Разумеется, изложение нашего подхода поневоле кратко. Но теперь можем перейти к основной проблеме данной статьи: как человек способен жить в многозначном мире? Как его сознание выбирает то единственное значение из многих возможных, которое определяет смысл данной ситуации?

О знаках и значениях

Общепринятого определения терминов знак и значение не существует. Дж. Остин (1993, с. 108) утверждал, что их и не может быть. Мол, вопрос

«Что такое значение?» также безрассуден, как вопрос «Что такое что-нибудь?» И все же лингвисты кое-что определенное об этой паре терминов заявляют. Вслед за Ф. де Соссюром (М., 1977, с. 100) они говорят о произвольности связи между знаком и значением – любое значение может быть передано каким угодно знаком, но при этом знак и значение столь же неразрывно связаны между собой, как две стороны одного листа бумаги. В самом общем виде можно сформулировать так: 1) всё что угодно может стать знаком, если приобретёт значение в воспринимающем его сознании; 2) нечто в сознании становится значением только в том случае, если имеется знак, сигнализирующий об этом значении.

Но есть и еще одно не всегда явно эксплицируемое требование: значением знака может быть все что угодно, кроме самого этого знака, а знак не может являться значением самому себе. Это требование логически оправдано стремлением избежать парадоксов самоприменимости. Аналогичное требование высказывает, например, М. Вартофский (1988, с. 30-32): «все что угодно может быть моделью чего угодно... но ничто не может рассматриваться как модель самого себя».

Произвольность связи «знак – значение» не означает непредсказуемости. Сознание стремится придавать знаку то значение, которое однажды ему уже приписало, до тех пор, пока это не войдет в противоречие с другим содержанием сознания. Если бы не было тенденции к устойчивости связи знак–значение, любой знак так бы и продолжал обозначать бы всё что угодно, а значит, не обозначал бы ничего. Знаком, разумеется, может стать и само значение (поскольку знаком может быть все что угодно), однако в этом случае значение теряет статус значения, перестает осознаваться, ведь оно становится знаком. И потому нет ничего удивительного в том, что любая попытка «понять» значение, трансформирует это значение в какие-то другие значения, понимаемые нами до тех пор, пока мы не зададимся вопросом, что они, собственно, значат. Значение

оказывается неуловимым, любая попытка его «поймать» тотчас приводит к его исчезновению. Поэтому содержание сознания не может зафиксироваться на чем-то одном, неизменном, оно течет, пользуясь метафорой У. Джеймса, непрерывным потоком. Никому не удастся долго думать одну и ту же думу. Известно множество экспериментальных феноменов, подтверждающих, что осознаваться может только изменяющаяся информация, а неизменная информация ускользает из сознания (см. подробнее Аллахвердов, 2000).

Лингвисты сформулировали закон (Карцевский, 1965, с. 87): «Всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно». Л.С. Выготский (т. 2, с. 355) писал об этом так: «Одна и та же мысль может быть выражена в различных фразах, как одна и та же фраза может служить выражением для разных мыслей». Без синонимов язык не мог бы существовать как структура, отмечают Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд (Miller J., Johnson-Laird, 1976, p. 266). Г. Гадамер (1991, с. 58) говорит то же самое об омонимах: «Основу языка, похоже, образует способность слов, вопреки определённости своих значений, быть неоднозначными, т.е. способность любого слова располагать гибким веером значений, и в этой именно гибкости проявляется своеобразная дерзость такого предприятия, как речь».

Логика пришла к этой же идее. Пусть любое суждение имеет вид: S есть P, т.е. $S=P$. Но одновременно S есть S, а не P, т.е. $S \neq P$. Отсюда: у S обязательно должны быть значения P и не-P, т.е. разные значения. (Гегель исписал множество страниц, поясняя эту банальность как образец диалектики). Поэтому же сознание способно отождествлять нетождественное ($S=P$) и различать неразличимое (приписывать одному и тому же S разные значения). Если бы каждый знак имел только одно своё собственное значение, отличающееся от значений всех остальных знаков, то все определения пришлось бы рассматривать как ложные, рассуждения были бы невозможны, логика была бы парализована (Фреге, 1987, с. 27). Но при этом,

даже если разные высказывания обозначают одно и то же, они же не перестают от этого быть разными высказываниями. Б. Рассел (1982, с.48) поясняет: «Суждение "В. Скотт есть автор «Ваверлея»" отлично от суждения "В. Скотт есть В. Скотт"».

Поскольку знак не может быть самому себе значением, то фразы типа «S есть S» для носителя языка не могут быть тавтологичны. Они понимаются как насыщенные значением: второе S указывает хотя бы на то, что первое S обозначает именно S, а не что-нибудь другое. Поэтому такие высказывания, как закон есть закон, теща – это теща, танк – всегда танк и т.п. – отнюдь не являются набором бессмысленных трюизмов. Подобные конструкции используются во всех языках мира, причём трактуются по-разному в разных культурах – считается, например, что в русском языке они более, чем в других языках, характеризуют примирение с действительностью (Wierzbicka, 1987).

Сказанное о знаках и значениях можно интерпретировать как относящееся не только к вербальным знакам, но и шире – как отнесение любого знака к какому-либо классу (и не обязательно по смыслу). Именно отнесение к классу придает знаку актуальное значение. Как отмечал Л.М. Веккер (1974, с. 71), единичный объект в акте восприятия всегда осознаётся в качестве представителя класса, и называет это явление феноменом обобщенности. Тогда можно переформулировать сказанное в самом общем виде: 1) всё, что осознаётся, обязательно осознаётся через принадлежность к некоему классу и отождествляется с другими членами класса, т.е. необходимо имеет синонимы; 2) любой знак может быть отнесен одновременно к разным классам, т.е. необходимо является омонимом. Хотя эти положения не были в явном виде высказаны психологами, их исследования с очевидностью это доказывали.

Еще в XIX веке в лаборатории В. Вундта Дж. Кеттелл открыл эффект превосходства слова: буква, предъявленная в слове, узнаётся точнее и

быстрее, чем в случайной последовательности, составленной из тех же самых букв, из которых составлено данное слово. Следовательно, буква воспринимается по-разному в зависимости от того, к какому классу она относится: просто к классу букв или к классу букв, составляющих некое слово. Но для того, чтобы осознать букву как принадлежащую к одному из этих классов, надо сначала увидеть оба этих варианта. Спустя почти сто лет Н. Вайсштейн и Ч. Харрис (Weisstein N., Harris, 1974) обнаружили эффект превосходства объекта: различение отрезков линий значительно улучшается, если эти линии образуют трёхмерный объект. Еще более экзотичный вариант этого эффекта был обнаружен в нашей лаборатории (Аллахвердов и др., 2006, с. 217-219). Испытуемым последовательно предъявлялись по 10 матриц 3×4; 4×4; 4×5 клеток, т.е. состоящих из 12, 16, или 20 клеток, с одной точкой в одной из клеток каждой матрицы до тех пор, пока он правильно не воспроизведет последовательность положений всех точек в 10 матрицах. В другой серии задание было таким же, но те же самые матрицы предъявлялись в трехмерном изображении (строчки матрицы предъявлялись на разных сторонах куба). Оказалось, что ни порядок предъявления, ни даже число клеток в матрице не имеют статистически значимого влияния на эффективность воспроизведения. А вот воспроизведение точек в матрицах, предъявленных в трехмерном изображении, требовало существенно меньшего числа предъявлений (вопреки субъективным ожиданиям испытуемых, которым вначале матрицы на кубах казались настолько сложными для запоминания, что они были уверены в невозможности их запомнить).

Гештальтисты ярче всех продемонстрировали влияние на осознание стимула предъявленных одновременно с ним других стимулов. Оказалось, что стимул (или его элементы) объединяется или не объединяется в тот или иной класс с другими стимулами (или их элементами) в зависимости не только от каких-то своих параметров, но и от параметров других стимулов,

оказавшихся рядом. Но для этого предъявленный стимул должен уже быть отнесен к разным классам и лишь затем осуществлен выбор для осознания того, к какому классу его следует относить. Вообще всех исследований, доказывающих, что любой стимул может быть отнесен к разным классам (т.е. является психологически омонимом), просто не перечислить. К.В. Бардин с сотрудниками (1984, с. 65) уже просто предъявлял испытуемым физически абсолютно тождественные сигналы с задачей их различения друг от друга. Испытуемые говорили, «что разница между сигналами была, видимо, очень мала, что работать было крайне трудно, но всё же, в конечном счёте, возможно». Значит, возможно субъективное различение совершенно одинаковых сигналов (тем самым отнесение их к разным классам) при, разумеется, полной невозможности их физического различения.

Еще более очевидно, что разные стимулы, отнесенные к одному и тому же классу, могут быть психологическими синонимами, т.е. могут одинаково осознаваться и вызывать одну и ту же реакцию. Это прекрасно иллюстрирует феномен константности. Об этом же говорят ошибки опознания, когда мы одно отождествляем с другим. Яркий пример – феномен слепоты к изменениям: человек не замечает весьма существенных изменений в зрительном поле, если эти изменения происходят «вне фокуса внимания» (см., например, Фаликман, 2006). Но лучше всего об этом говорит существование множества разных языков. Причем показательно, что полиглоты способны понимать сказанное на известных им языках, но при этом могут не заметить, на каком именно языке было сделано высказывание.

Границы класса

Все знаки необходимо воспринимаются сознанием как имеющие множество значений (попадающие во множество классов). Но если любой текст всегда воспринимается как имеющий океан значений, то как же всё-таки мы способны его однозначно понять? Ведь в каждый момент времени

осознается только одно значение (принадлежность к одному классу). Попробуем разобраться, как это происходит.

Можно выделить две тенденции. Первая: при предъявлении стимула сознание пытается отождествить его с одним из тех классов стимулов, который до этого уже был им выбран. На этом зиждутся различные эффекты установки. Ограничусь одним экспериментальным примером (по Брунеру, 1977, с. 37). Нарисуем заглавную букву В так, чтобы между вертикальной прямой и криволинейными частями имелся небольшой просвет, – тогда нарисованный знак можно будет принять и за В, и за 13. Если теперь предъявить испытуемым этот рисунок на короткое время, то они воспримут его как В или как 13 в зависимости от того, что им было предъявлено ранее: буквы или числа.

Но верна и другая тенденция: отнесение стимула к классу (и его осознание) строится на основе признаков, отличающих данный стимул от других, ранее или одновременно предъявленных. У. Джеймс называл это законом диссоциации образа при изменении сопровождающих элементов. По Джеймсу, если человеку предъявить красный шар, а вслед за ним – оранжевый, то человек начнёт выделять цвет. Если же ему вслед за шаром предъявить куб, он начнёт выделять форму. Как отмечают лингвисты, осознаваемый смысл слова также понимается лишь в противопоставлении («контрастивно») каким-то другим возможным вариантам понимания. Поэтому, например, первая мировая война стала называться первой только после начала второй.

На самом деле обе тенденции не противоречат друг другу: первая тенденция связана с отнесением стимула к конкретному классу, с признанием того, чем данный стимул является (позитивный выбор). А вторая определяет то, что находится за границами этого класса, т.е. то, чем данный стимул не является (негативный выбор). Заметим, что граница всегда предполагает, что

существует нечто, которое находится за этой границей. Поэтому негативный выбор всегда столь же неизбежен, как и позитивный.

Позитивный выбор – это то значение, которое осознается человеком, именно о нем человек думает. Но, как уже говорилось, человек не может думать об одном и том же постоянно, а потому позитивный выбор постоянно трансформируется. М.А. Гернсбахер (Gernsbacher, 1991) полагает, что выбор одного значения всегда приводит к активному подавлению других значений. Негативный выбор – это то, о чем человеку думать не надо, поэтому негативный выбор устойчив. Если человек думает о Наполеоне как о человеке, то его мысль будет плавно перетекать в мысль о Наполеоне как о полководце, о муже Жозефины, об узнике Св. Елены и т.д., но при этом он будет все время отбрасывать мысль о Наполеоне как о коньяке, пирожном или пасьянсе, хотя эти значения им воспринимаются, но не осознаются. В силу своей устойчивости именно негативный выбор определяет то, что обычно называется контекстом, однако без специальных усилий этот контекст обычно не осознается.

Список использованных источников

1. Gernsbacher M.A. Cognitive processes and mechanism in language comprehension: the structure building framework. // *The psychological of learning and motivation*, 1991, 27. P. 217-263.
2. Hebart M.N., Schriever Y., Donner T.H. and Haynes J.-D. Fueling doubt and openness: experiencing the unconscious, constructed nature of perception induces uncertainty and openness to change. *Cognition*, 2014, 137. P. 1-8.
3. Kihlstrom J.F. The psychological unconscious // In Pervin L. *Handbook of personality: Theory and research*. New York. 1990. P. 45-464.
4. Snodgrass M., Bernat E. and Shevrin H. Unconscious perception at the objective detection threshold exists. *Percept. Psychophys.*, 2004, 66. P. 888-895.
5. Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious acquisition of information // *American Psychologist*, 1992, 47. P. 796-801.
6. Miller J., Johnson-Laird P. *Language and Perception*. Cambridge (Mass.), 1976.
7. Murphy S.T., Zajonc R.B. Affect, cognition, and awareness: Affective priming with optimal and suboptimal stimulus exposures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, 64. P. 723-739.
8. Weisstein N., Harris C.S. Visual detection of line segments. // *Science*, 1974, 186. P. 427-435.
9. Wierzbicka A. Boys will be boys: «radical semantics» vs. «radical pragmatics». // *Language*, 1987, 63. P. 95-114.
10. Winkielman, P., Berridge, K. C., Wilbarger J.L. Unconscious affective reactions to masked happy versus angry faces influence consumption behavior and judgments of value. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005, 31. P. 121-135.

11. Аллахвердов В.М. и др. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006.
12. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993.
13. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.
14. Бардин К. В., Садов В.А., Цзен Н.В. Новые данные о припороговых феноменах. // Психофизика сенсорных и сенсомоторных процессов. М., 1984.
15. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
16. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988.
17. Веккер Л.М. Психические процессы, Т. 1. Л., 1974.
18. Выготский Л.С. Собр. соч., М., 1982. Т. 2.
19. Гадамер Г. Языки понимания. //В его кн.: Актуальность прекрасного. М., 1991.
20. Джемс В. Психология. М., 1913.
21. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965, Т. 2.
22. Остин Дж. Значение слова. // Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993.
23. Рассел Б. Дескрипции. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982.
24. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
25. Фаликман М.В. Внимание. // Общая психология в 7 томах (под ред. Б.С. Братуся). М., Академия, 2006. Т. 4.
26. Фреге Г. Мысль: логическое исследование. // Философия, логика, язык. М., 1987.
27. Хок Р.Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. СПб., Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.